

«Боишься меня?»

Этот вопрос не подразумевал желание унижить меня или оскорбить, как можно подумать поначалу. Его когда-то очень давно задала мне Элли, глядя прямо мне в глаза, со всей искренностью. Мы оба прекрасно знали, что этот вопрос под собой подразумевает. Более того, Элли изначально знала, какой ответ ее ждет.

«Я боюсь тебя из-за силы, который ты владеешь...»

Бессмертие застало ее в раннем возрасте, оно изменило Элли еще до того, как она успела сформироваться как полноценная личность. И я стал одним из тех, кто помог ей с этим справиться. Самое печальное — это осознавать, что бессмертие лишь дополняет ее, а не портит. Она сама мне так неоднократно говорила, я не делаю выводов с пустого места. В отличие от других бессмертных, у нее не снесло крышу, или напротив, она не хотела избавляться от своего «дара».

Трудно сказать, какой Элли могла вырасти, если бы ее не поразило проклятием. Как сильно изменился бы ее характер? Смогли бы мы найти общий язык при таких обстоятельствах? Эти вопросы навсегда останутся для меня безответными, как минимуму потому, что без появления бессмертия у нас не было бы причин встречаться, а значит, ничего бы этого не было в помине.

Примерно до четырнадцати лет я тренировал ее в обращении с магией и мечом. У меня за плечами многолетний опыт, а потому чему-то, да научить я ее мог. Схватывая все на лету, она быстро достигла своего предела и наверняка сравнилась бы со мной в силе еще тогда, позволяй ей подростковое тело. Но уже тогда ей захотелось большего, и с этим ничего нельзя было сделать.

Один раз я застал ее за тренировкой, в которой она повышала болевой порог. Проклятые бессмертием могут выдержать любой удар — даже если выкинуть их в лаву, совокупность заклинаний вернет их обратно, оставляя их целыми и невредимыми. Однако... они все равно чувствуют боль. Таковую же боль, как и все остальные — вообще никакой разницы. Только вот в случае с обычными людьми боль может быть прекращена путем смерти, а вот у бессмертных боль не закончится до тех пор, пока не сработает заклинание. А его срабатывание... спорно. Непостоянно.

Способ повышения она выбрала самый грубый и очевидный — нанесение увечий самой себе. На заднем дворе замка была отличная площадка, где мы всегда и тренировались. Помимо площадки там было и множество оружия, которое мы и использовали в свободное время — копья, алебарды, секиры, даже кнуты и боевые косы присутствовали. Я прекрасно понимал, что ничто из этого не сможет убить ее, но видеть, как каждый раз ее слезы сменяются кровью после того, как она использует на себе все выше перечисленное вооружение — невыносимо. Элли прекрасно знала, что я буду против, поэтому делала все в тайне.

В конце концов, я решил вмешаться.

— Прекрати! — рыкнул на нее я, покачав головой и сложив руки на груди. — Ты действительно думаешь, что оно того стоит?

В ее руках была катана, примерно сто пятьдесят сантиметров в длину. Такая ни за что не пробьет доспех, если на ней нет никакого магического зачарования. Но ни на мне, ни на Элли не было доспеха — она тренировалась в мужской рубашке и свободных брюках, не стесняющих движений.

Проигнорировав мои слова, Элли вонзила себе в живот катану до самой рукояти, от и до омыв клинок в крови. После, резким движением, она выдернула ее из себя, омывая зеленую траву под ногами кровью. Вокруг клинка появилась странная кровавая аура, не виданная мною ранее.

— Это — мое новое заклинание, — сжав рукоять в двуручном хвате, начала она. — Не окажешь мне честь?

Я схватил первый попавшийся под руку стальной щит и двинулся вперед. Элли рванула мне навстречу, не сомневаясь ни секунды. Я знал, что щиты — большая слабость катан, но в то же самое время я понимал, что у Элли на лице неспроста застыла такая зловещая, хитрая ухмылка. Кровь — ее специализация магии, в крови ей нет равных.

Катана разрешила щит словно нож масло, и остановилась прямо перед моей рукой. Ни магических барьеров, ни брони, ни еще каких-либо тузов в кармане — я оказался в полном ступоре. Даже с магическим зачарованием я не ожидал, что катана сможет разрезать щит в мгновение ока. Кровавое зачарование на катане словно воплощало в себе огонь, прожигаящий все, до чего дотянется.

Выбив меня из защиты, Элли оставила меня уязвимым. И по ее безумным глазам я понимал, что на этом она останавливаться не собирается. В тот момент я по-настоящему испугался, потому что до этого никто не подбирался ко мне настолько близко. Во время битв я начинаю мыслить более трезво, рассудительно, а в случае с Элли... все наоборот. Ее охватывает безумие, как охватывает меня, когда я остаюсь совсем один.

Я стал единственным рычагом, который мог бы ее остановить.

Повалив меня с ноги, Элли запрыгнула на меня и замахнулась. Закрывшись руками, надеясь, что каким-то чудом они остановят катану, я замер. В тот же момент клинок катаны вошел в мою грудь, остановившись в легком. Недостаток воздуха в тот же момент дал о себе знать: ком подступил к горлу, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. В тот момент Элли осознала, какую ошибку только что совершила.

— О нет... — прикрыв рот руками, она окинула меня ошеломленным взглядом. — Нет!

Она собиралась вытащить из меня катану, но это сделало бы мне только хуже. Понадобилась

миллисекунда реакция, чтобы схватить ее за руку и помотать головой, как бы говоря, чтобы она остановилась. Еще быстрее мне пришлось сообразить, что самое время использовать магию, чтобы не умереть идиотской смертью. К счастью, я успел вовремя и мое тело благополучно восстановилось.

— Прости меня... — отползая назад, пробормотала Элли. — Прости меня, Винтер!

Элли вскочила на ноги и побежала прочь, желая скрыться от меня. Хоть это и было опрометчиво, и даже больше, но ссориться с ней — последнее, что мне хотелось в тот момент. Я использовал магию, чтобы остановить время и оказаться прямо перед ней. Правда в тот момент я понятия не имел, что ей стоит сказать, когда время пойдет вперед вновь.

— Постой! — Схватив ее за плечи, неуверенно начал я. Она не сразу поняла, что произошло, но через секунды уже активно пыталась вырваться. — Я не злюсь на тебя, ясно? Не надо от меня убегать.

— Я тебя чуть не прикончила... — опустив взгляд, заговорила она. — Как ты можешь на меня не злиться?

Элли оказалась первым человеком, который так сильно приблизил меня к смерти. Не дракон, не вражеская армия, а она... это и есть самое страшное. Если бы магии не существовало, и мы остались бы с Элли один на один, как враги — она бы победила меня. Понимание этого по-настоящему пугало и пугает меня, даже по сей день. И вдохновляет, конечно же.

— Не прикончила же, — погладив ее по голове, продолжил я. — Нечего волноваться.

— Прости меня, Винтер... — обняв меня и уткнувшись носом мне в грудь, повторила Элли. — Умоляю тебя, прости... я совершила огромную ошибку...

— Ну, тебе придется поработать над самообладанием, ха-ха... а так... все в порядке. Не скрывай от меня такое, ладно?

— Ты говорил, что против такого. Поэтому я и не стала говорить.

— Я действительно против, но раз уж тебе так хочется — ничего не поделаешь.

В тот раз все обошлось. И мы, к тому же, стали немного ближе.

Помимо болевого порога, было еще кое-что, с чем она хотела бы справиться — с бессмертием. Поначалу это казалось нам обоим чем-то невероятным, но со временем Элли начала делать успехи, благодаря которым могла не позволять проклятию сработать, или же наоборот, сработать досрочно. Однако... все оказалось не так просто: такие тренировки имели последствия.

Проклятие могло срабатывать слишком часто, как и наоборот, слишком редко. Был случай, когда Элли заехала по себе шипастым кнутом, буквально разорвав себе кожный покров на спине и грудной клетке. Бессмертие не сработало, и ей ничего не оставалось, кроме как применить стандартные медицинские способы.

Тогда на помощь и пришел я, как всегда. Я нашел ее в темной каморке на заднем дворе, служащей как склад оружия. Каким образом? Ну, все очень просто: она вылила на себя пару литров спирта, обеззараживая рану, а потом ушла перевязываться. Найти ее по резкому запаху не составило труда.

Когда я обнаружил ее сидящей на стуле с голым торсом, в неуклюжем положении с кучей бинтов повсюду, ко мне пришло осознание того, что до применения первой помощи ей еще далеко. По крайней мере, у нее было много времени, чтобы научиться. Ну, в том плане, что благодаря бессмертию она никак не была ограничена... но она была все ближе к тому моменту, когда бессмертие «запретит» ей взрости в физическом плане. Это произойдет, когда ее возраст достигнет от двадцати до тридцати лет.

Пожилым людям, что стали бессмертными, повезло в этом плане меньше. Создатель заклинания предусмотрел тот факт, что от бессмертия толку будет мало, если его владелец каждую минуту будет умирать от старости, то и дело возвращаясь во времени. Промежуток между двадцатью и тридцатью годами обычно является пиковым для подавляющего большинства людей, поэтому, как я понимаю, выбор пал на эти цифры.

— Ну и ну, ты не умеешь перевязываться, принцесса?.. — незаметно подобравшись сзади, спросил я.

Я ожидал реакции, в которой она бы резко подскочила и начала искать чем бы прикрыться, но этого не произошло. Хотя, в той каморке и света толком не было, кроме тусклых лучей солнца из наполовину забитых досками окон...

В ответ на мою выходку последовал легкий смешок вперемешку со вздохом.

— Я умею неплохо перевязывать других, но себя... не очень.

— Не желаешь принять руку помощи? Я сделаю все быстро и безболезненно.

— Валяй, — похлопав себя по груди, кинула она. — Если тебя не смущает мое скудное тельце, конечно.

Подойдя поближе, я получше оценил всю трагедию с раной. Она проходила по спине и гармонично переходила на грудь через левый бок. С кнутами мы практиковались меньше всего, и, видимо, Элли сначала лягнула себя по спине, а за этим кнут последовал по боку и до груди. Удивительно, как она только так смогла извернуться, чтобы добиться такого «впечатляющего» результата.

Удар был достаточно сильным, она чудом не задела жизненно важные органы. Легкие, сердце, спинной мозг... Элли могла повредить все что угодно, сделав себе больно. С другой стороны, быть может, оно было бы для нее лучшим решением, нежели не летальное ранение: ведь проклятие может все залечить.

— Проклятие снова не сработало? Сколько литров ты на себя вылила? И чего именно?

— Не сработало, как видишь. Что до литров... один-два. Может три. Спирт. Этиловый. По крайней мере, так было написано на флаконе.

— Ты могла бы сделать себе еще хуже, ты знаешь?

— Знаю. Я остановилась, потому что рана сильно защипала.

Такой медициной и убить можно. Я собрал бинты, еще раз ужаснулся от раны и начал аккуратно наматывать их вокруг ее тела, стараясь не касаться груди. Мне казалось, что ей будет неприятно, хоть того и требовал процесс.

— Да ладно, Винтер, — она схватила меня за руки и прислонила к себе. — У меня здесь даже трогать нечего, видишь? Можешь не дергаться.

При касании меня обеспокоила не столько ее грудь, сколько ранение, раскинувшееся по ней. Я прямо-таки осязал участки, где ее шелковая кожа прерывается и начинаются маленькие углубления с порванными мышцами.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя некомфортно. Не заставляй себя.

— Я не заставляю. Ты все равно будешь единственным мужчиной, кто потрогает меня там.

— Брось. Вот вырастешь, найдешь себе принца на белом коне и никогда обо мне не вспомнишь.

— Могу хоть сейчас, ха-ха, правда придется ехать на южный континент... да и условия там не по мне.

В южных странах разрешены браки с девушками, находящимися в подростковых, и иногда даже в детском возрасте. То есть, не достигших приличного по нашим меркам возраста. Под приличным возрастом я понимаю восемнадцать-двадцать лет. Кроме того, там разрешено многоженство, практикуется рабство, и ежедневно происходят похищения таких вот несчастных дев. Как бы оно там ни было, это совсем другая история, и до южного континента нам совсем уж далеко. К счастью. Ненавижу горячие пески юга.

— Да, только там будет принц не на коне, а на каком-нибудь верблюде. — Я решил разрушить

ее «мечты» досрочно. — Да еще и натянет на тебя кандалы, отправив в свой замечательный гарем.

— Не продолжай... я в курсе, что за безобразие у них там творится. Я ненавижу юг и все что с ним связано — там слишком жарко и мерзко.

— Это я тебя заразил нелюбовью к жаре, не так ли?

— Ты меня много чем заразил, дяденька, — запрокинув голову, прояснила она. — Надеюсь, ты готов принять ответственность за свои деяния? — Элли хитро улыбнулась и продолжила: — А тебе сколько самому? Выглядишь весьма бодро.

— Мне? Я не считал, но близусь к тридцатнику. А что?

— М-м-м... приличная разница, законы моего королевства не позволяют. Не мог бы ты скинуть половину от своего тридцатника и стать моим кавалером?

— Мог бы, но не буду. Потому что ты прекрасно знаешь, сколько мне на самом деле.

— Видишь, Винтер, ты сам оставляешь меня без потенциального жениха. Ну, тогда ты подождешь, пока мне стукнет двадцать один? Хотя меня и лишили права на трон, я все еще принцесса, так что тебе достанется часть королевства и, возможно, мы даже сможем выбить для тебя право претендовать на место короля!

Претендовать на место короля, значит? Забавная идея, особенно учитывая мою ситуацию. Наверное, если бы Элли знала, что со мной произошло на самом деле, она никогда бы так не пошутило, но это делало ситуацию только лишь еще забавнее...

— Двадцать один? Я знакомился с вашими законами, и там было указано, что брак разрешен с восемнадцати.

— С восемнадцати можно, если получено согласие с обеих сторон. Ты правда надеешься выбить что-то из моего папашки?

— А... ну в таком случае тебе проще поискать кого-нибудь, на кого у Германа нет аллергии, ха-ха-ха!

— У него нет аллергии только на знать. И я с уверенностью могу сказать тебе, что все знатные люди в Фростлайте — знатные говнюки.

— Какая лирика. Во всяком случае, тебе не стоит расстраиваться, это точно. Я уверен, что ты найдешь себе подходящего претендента.

Элли еще раз натянуто улыбнулась и опустила голову. Тогда я не заметил, что за обычными шутками, присущими нам при каждом разговоре, в ее словах проскочили нотки серьезности, в которых она действительно рассматривала меня как одного-единственного принца, хоть и не на белом коне.

Помимо этого, за разговором я и не заметил, как закончил с перевязкой. Оставалось только хорошенько затянуть, чтобы рана не давала о себе знать.

— Так нормально? — спросил я, аккуратно затянув бинты.

— Больше. Затяни сильнее.

Я последовал ее словам и затянул сильнее.

— Достаточно?

— Больше. Не жалей меня.

Хорошо затянуть — это замечательно. Но и перебарщивать нельзя. А она явно перебарщивает, находя в этом еще один способ причинить себе боль. Все ради идеального болевого порога, как она мне говорила.

— Я сейчас кое о чем задумалась, Винтер. Меня не на шутку волнует эта мысль.

— Да? И что же могло так сильно взволновать тебя?

— Не проще бы было... просто убить меня? Нанести мне смертельное ранение, чтобы проклятие залечило раны?

— Возможно. А у тебя хватило бы смелости убить саму себя? Ты ведь еще не пробовала, не так ли?

— Не знаю. Я и вправду не пробовала.

Это звучит дико, но, возможно, такой способ действительно принес бы ей меньше боли. Так уж устроено проклятие.

— Что насчет тебя? Ты убьешь меня, если я попрошу?

Непростой вопрос.

— Совру, если скажу, что не убью. Негоже врать такой прелестной даме, ты знаешь.

— Вот поэтому ты мне и нравишься, — поднявшись со стула и развернувшись ко мне лицом, сказала она. — Ви-н-гер.

— Хоть кому-то я нравлюсь...

Повертевшись на месте, Элли размяла мышцы и похрустела костяшками в руках, позволяя мне осмотреть ее. Я хорошо наложил бинты, хоть, по-моему, и переборщил с количеством. Ну, пока потребитель не жалуется — все в порядке.

— Как думаешь, к двадцатке у меня вырастет грудь, если я буду пить много молока?

— Это всего лишь миф, она не станет больше от молока.

— Ну-у-у... а от чего тогда? Что насчет магии?

— Даже не пытайся. К тому же, она будет только мешаться в бою, так что на твоём месте я бы молился об обратном.

Элли скорчила недовольное лицо и помотала головой вправо-влево.

— Может дойками я и не вышла, но сзади у меня все достаточно неплохо, — Элли шлепнула себя по бедру сквозь брюки. — Во всяком случае, мне так кажется.

— Я буду молиться, чтобы ты в следующий раз не лязгнула себе кнутом по заднице.

— Рано или поздно это произойдет, и тогда я вновь позову тебя на помощь, мой верный медик!
— тыкнув в меня пальцем, воскликнула она.

— А потом попросишь оценить твою филейную часть по десятибалльной шкале? Ну уж нет.

Мой ответ вызвал лишь ухмылку на ее лице.

Элли накинула на себя порванную рубашку, даже не удосужившись застегнуть ее нормально, после чего подошла ко мне и чмокнула в щечку. Заслуженная награда, что уж тут.

— Спасибо, без тебя я бы не управилась.

— Снимай в следующий раз одежду, прежде чем бить себя шипованным кнутом.

— Ла-а-адно, — протянула она, направляясь к выходу. — Там еще остался спирт, не хочешь хорошо провести время с дамой?

— Его не стоит пить. По крайней мере, не разбавленным, — я направился за ней. — С тебя хватит и чая, юная леди. И рубашку заодно смени.

— Да-да... если уж спирт мне нельзя, тогда хоть шоколада к чаю купи.

— Куплю, если поделюсь.

— Поделюсь-поделюсь, могу даже изо рта в рот.

Не желая слушать эту похабщину, я испарился, телепортировавшись в ближайшую кондитерскую.

Со временем проклятие Элли заработало как надо, и рана исчезла. Она продолжила совершенствовать свое мастерство, и, совсем скоро достигла желаемого результата. Не сказать, что у нее получилось это за пару часов — напротив, понадобилось много лет. Много лет болезненного и упорного труда.

Убить себя таким образом все же было невозможно — проклятие срабатывало в любом случае, даже если бы ей очень захотелось оставить смертельную рану. Но если речь идет не о летальном исходе — Элли стала подвластна возможности сдерживать проклятие, а потому у нее появилась возможность эффективно черпать кровь для исполнения своей магии. Она и с чужой кровью неплохо справляется, но с ее собственной она может творить невероятные вещи, как в случае с зачарованием оружия.

В общей сложности ей понадобилось семь лет, чтобы овладеть основами магии и в совершенстве обучиться техникам полуторным и парных мечей. Она тренировалась и с другим оружием, конечно же, но именно мечи пришлись ей по вкусу больше всего.

Все остальные семь лет, вплоть до двадцати одного года, Элли путешествовала со мной. Как результат, ее от и до поглотило желание изучать магию. И речь идет о самом происхождении магии, о причинах и следствии, а не о силе. Помимо магии, она переняла от меня любовь к холоду и звездам. Вообще, можно долго перечислять, что ей от меня досталось, но это займет целую вечность. Элли росла на моих глазах, мы провели вместе долгие, и в то же самое время самые короткие для меня четырнадцать лет. Короткие, потому что они были такими насыщенными, что я и не понимал, как быстро летит время.

Даже с учетом того, что я давным-давно потерял его счет.